

КОЛЫМАГИН Борис / Boris KOLYMAGIN

| Рождение постцифровой книжной культуры |

КОЛЫМАГИН Борис / Boris KOLYMAGIN

Россия, Москва.
Российский институт культурологии. Соискатель.Russia, Moscow.
Russian Institute for Cultural Research.
Post-Graduate Student

РОЖДЕНИЕ ПОСТЦИФРОВОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ АЛЕКСАНДРА ЛЮСОГО «ПОЭТИКА ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ: РОССИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРОЛОГИИ» (М.: ТОВАРИЩЕСТВО НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КМК, 2011).

Статья представляет собой авторские размышления по поводу изданной по решению ученого Совета РИК монографии Александра Люсого «Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму культурологии: теоретическая комедия» (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011). Автор статьи говорит о значении монографии Люсого в медиалогическом аспекте, а также рассматривает ее как явление постцифровой книжной культуры.

Ключевые слова: культурология, культура, литература, медиология, книгоиздательство

The Birth of Postdigital Book Culture: Reflections on the Monograph of Alexander Ljusi'y's "Poetics of Anticipation"

The article presents reflections on the monograph of Alexander Ljusi'y's "Poetics of Anticipation", published by the Academic Council of the ICS (the Institute of Cultural Studies Theory and History of Culture): Russia through the Prism of Cultural Studies: Theoretical Comedy" (Moscow: KMK Scientific Press Ltd., 2011). The author discusses the importance of the mediologic aspect of Ljusi'y's monograph, and presents it as a phenomenon of the post-digital book culture.

Key words: cultural studies, culture, literature, mediology, book publishing

Культуролог и литературный критик Александр Люсый написал внушительный том¹. Исследователь под одной обложкой собрал эссе и заметки, посвященные литературе. К ним легко подверстываются рецензии на книжки, литературоведческие монографии и прочее, прочее, прочее. Фолиант в каком-то смысле является своеобразным перечнем прочитанных и отрефлексированных автором художественных произведений. Очень традиционное издание, если иметь в виду, что литературоцентричность является одной из характеристик российского книгоиздательства. Работа состоит из двух предисловий (одно из них в духе постмодернистской игры названо «Прииди, словия»), заключения и четырех основных разделов: «Литературный небоскреб», «Взаимодействие с классикой», «Упаковки смыслов», «Из историографической прозы». Здесь заинтересованный читатель может встретить и новое прочтение класси-

ки, и взгляд на текущую литературу, и наблюдения за литературной жизнью.

Причем «наблюдения» доминируют в книге. Можно сказать, что журнал наблюдений составляет ее стержень. Александр Люсый замечает в связи с этим: «Литература, от которой, конечно, никуда человеку не деться ни внутри себя, ни вокруг, выделяет из себя, как и обычный организм, так называемую литературную жизнь, тусовку». Может быть, именно этим медиалогическим акцентом «Поэтика предвосхищений» прежде всего и интересна. Автор не пускается в лингвистические плавания, не погружается в глубины метафизики, а отдает должное литературной среде, средствам циркуляции литературных произведений. Своим опусом он как бы заявляет: смысл произведения не имманентен ему, но проистекает из мест его производства, из физического способа его написания и обращения в обществе, из природы читательских сообществ — его оценщиков и носителей. В этом контексте становятся значимыми не только тексты и их публикация, выпуск книг и рейтинг продаж,

¹ Люсый А. П. «Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму культурологии: теоретическая комедия». — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011

КОЛЫМАГИН Борис / Boris KOLYMAGIN

| Рождение постцифровой книжной культуры |

но и выдвижение произведений на литературные премии, игра вокруг этих премий, литературные вечера, презентации с неизбежными фуршетом. Не случайно, предисловие к монографии звучит: «Литературным фуршетам «нулевых» посвящается».

К слову, Александр Люсый — председатель Академии Фуршетов, которую учредил в середине девяностых литературный критик Сергей Дмитренко. Некоторые тексты Люсого родились из фуршетной стихии и имеют вполне отчетливый застольный тренд, это своеобразные кавказские тосты с известной при сказкой из фильма «Кавказская пленница»: «А чего тут пить?».

Заметим, что автор прекрасно понимает карнавальную природу бытования новой литературы, утверждая, что разница между собственно «литературой» и «литературной жизнью» примерно такая же, как разница между любовью и половой жизнью. Но не хочет закрывать глаза на реалии нашего времени.

Маскарад происходящего исследователь порой пытается погасить вполне серьезными замечаниями, цитатами классиков или учеными штудиями. Наряду с литературными рецензиями в книге немало рецензий на философские и культурологические книги. Границы маскарада создают и замечания исследователя по поводу Крымского текста. Напомним, что А.П. Люсый является автором оригинальной концепции Крымского текста русской литературы. Этот текст был выделен по аналогии с Петербургским и Московским текстами. Исследователь утверждает, что Крымский текст возник в рамках Таврического мифа, являющегося в свою очередь южным полюсом Петербургского мифа. Все это интересно и, главное, дает автору возможность ограничить действие карнавала.

В монографии соседствуют веселье и основательность, отсылки к прошлому и движение к будущему. Причем не только на уровне смыслов: некоторые рецензии написаны в толсто-журнальном формате, а некоторые, наоборот, тянут на симулякры, на очень приблизительное описание эстетики и содержания. Люсый движется в будущее на уровне материала, фактуры, техники исполнения. Об этом говорит даже вес тома, его обрезной формат, плотность страниц, твердая обложка.

Люсый вышел из советского космоса, и его, безусловно, греет то обстоятельство, что в книге 570 страниц, что она тяжелая, что это настоящая, большая книга («Большая книга» — это еще и престижная премия для прозаиков). В советское время книга считалась огромной ценностью. И пропыленные библиофильские квартиры составляли святая святых для живущего культурой человека. Но в постперестроечную эпоху всё кардинальным образом поменялось, и к созданию Гуттенберга стали относиться достаточно просто. Библиотеки вынесли на свалки, потому что стоимость места, занимаемым книжным шкафом, стала существенно больше стоимости его содержимого. Новые поколения стали относиться к детищам Гуттенберга не как к носителям сакрального или тайного (антитоталитарного, например) знания, не как к капиталу, а с патрицианским пренебрежением одной девушки, о которой рассказал литературный критик и прозаик Михаил Новиков². Эта девушка читала книгу в ванне и отрывала прочитанные листы — чтобы книгу легче было держать.

² Новиков М.С. «Частное письмо по неизвестному адресу. — СПб.: Алетейя, 2005.

Люсого невозможно представить лежащим в ванне и отрывающим страницу за страницей не то что своего детища, а даже Дашковой или Марининой. Если образ Люсого, рвущего книгу, появится в интернете, это будет очевидный розыгрыш. И в то же время само содержание основательного труда Люсого направлено на появление такой девушки. Во всяком случае, Люсый-автор ближе этой рафинированной читательнице, чем какому-нибудь кабинетному ученому-литературоведу. Само построение книги стремится к игре и визуализации. По внутреннему наполнению она очень легкая, если не сказать пустая. И эта виртуальная пустота — тоже тенденция времени.

Именно в последние два десятилетия появилось несколько новых категорий изданий, с которыми книга Люсого непосредственно коррелирует. Одна из них — книги интерьерные, для чтения не то чтобы не предназначенные, но на него не рассчитанные. Например, открывшая издательскую программу книжного клуба «Mopplaisir» трехтомная Библия с иллюстрациями Доре: кожаный переплет с тиснением, золотой обрез, велевая бумага... Того, кто украсит ими свой интерьер, сложно представить за чтением столь экзотической литературы. «Поэтика предвосхищений» тоже вписывается в этот культурологический курьез. Берешь ее в руки, представляешь на минутку ее в интерьере какого-нибудь бизнесмена и говоришь вслед за Новиковым: хороша ты красотка, да не будет тебе жениха. Не найдется времени у украсившего ее свой кабинет бизнесмена на прочтение издания. Но для визуализации авторов современной культурологии, почему бы не принести представителю элиты том Люсого в свой кабинет? Почему не может постоять «Поэтика предвосхищений» на полке?

Другая категория изданий — книги для рассматривания. Вот, к примеру, великолепный в своем роде альбом «Православие, армия и флот России»³, который стоит у меня уже много лет на полке. Жанр — что-то среднее между иллюстрированной энциклопедией и наглядным словарем. Читать тут особенно нечего, только подписи к картинкам. Но разглядывать, скажем, Георгиевский крест или памятные медали можно долго. Наглядные словари на самом деле — симптом времени. Книга, как замечает Михаил Новиков, источник не знаний, но образов. Не информации, но некоторого набора представлений.

Соответственно меняются авторские задачи. После дизайна важнее всего не текст, а рубрикатор. Автор таких книг больше похож на режиссера, главная задача которого состоит в том, чтобы отобрать то, что может быть интересно.

«Режиссерских» книг в последнее десятилетие появилось немало. Вот, скажем, вышедшая в глянцево-серии «Святыми дорогами» работа архимандрита Августина (Никитина) «Русские паломники у христианских святых Египта»⁴. Она была написана задолго до арабской весны и смены режима Хосни Мубарака. Архимандрит Августин забирался в сердце пустыни, поднимался в Верхний Египет, посещал полузакрытые города, вроде режимной Эль-Миньи (ок. 300 км. от Каира). Он ночевал под кошмой прямо под звездным небом и в дешевых гостини-

³ Православие, армия и флот России. — СПб.: Эго, 2002.

⁴ Архимандрит Августин (Никитин). Русские паломники у христианских святых Египта. — СПб.: Нева, М.: Олма-пресс гранд, 2003.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

КОЛЫМАГИН Борис / Boris KOLYMAGIN

| Рождение постцифровой книжной культуры |

цах, мчался на заднем сиденье попутного мотоцикла и намазывал километры пешком. И все это делалось исключительно ради того, чтобы рассказать о местах, связанных с историей древней Коптской церкви — одной из так называемых дохалкидонских церквей. Текст, которого довольно много, по сути, дополняет многочисленные фотографии, выполненные самим автором. В основе книги лежит кинематографический ряд, а сам автор, скорее, выступает в роли художника-инсталляциониста, чем писателя: он компоует предметы египетского зазеркалья и фрагменты воспоминаний российских путешественников, способные заинтересовать и удивить читателя.

На процесс изменения бумажных изданий можно смотреть по-разному. Однако ясно, что он отражает процессы, идущие не только на российском книжном рынке. В мире появилось огромное число книг для рассматривания, объектов медитации и, так сказать, снов наяву. Рассказ отца архимандрита о посещении дальних мест легко стыкуется, к примеру, с иллюстрированным пособием «Жители моря». Со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами.

Многостраничный труд Люсого также легко вписывается в режиссерские издания. Стараниями известного художника книги Елены Герчук издание выполнено в дизайнерской манере. И броские заголовки, и подзаголовки автора решают если не все, то почти все. Для увеличения их числа небольшие по объему тексты дробятся. Подзаголовки растягиваются в масштабные предложения. Автор играет с заглавными и прописными буквами, с синтаксисом. Все эти «ЛАОКООНАГРАДЫ», «СЕКСУАЛЬНЫЙ ЧЕРНОЗЕМ», «УТОПИЯ КАК СТОП-ДИАЛЕКТИКА» и прочие изыски содержания присутствуют в работе как визуальные объекты, как шутки, скрывающие пустоту словесной игры, и тем придающие книге некую новую качественную характеристику. Культуролог-исследователь выбирает литературные и окололитературные объекты, способные удивить читателя. В области культурологии он работает как художник-инсталляционист.

Люсый создал обширный литературоцентричный текст. Но этот текст свидетельствует о том, что людям стало тяжело читать, что порог усилий, необходимый для чтения, неуклонно снижается, причем самими авторами. Собственно, и наша книжка тоже для сквозного чтения не сильно предназначена. Ее можно полистать, остановиться на интересных фрагментах, выхватить взглядом отдельные словечки, названия рецензируемых изданий, имен. Но в целом она рассчитана именно на просматривание. «Поэтика предвосхищений» как бы предвосхищает будущую книгу. Ее будут именно листать, заглядывать в нее. И это оптимистический сценарий.

Потому что по другому, более пессимистичному сценарию, книги как объекта материальной культуры уже не будет. Она вся перетечет в виртуальность. «Поэтика предвосхищений» своей фактурой, косвенными характеристиками помещенных под одной обложкой текстов говорит о такой возможности.

Рынок электронных книг в России сегодня мал и оценивается примерно в 4 млн. у.е. Но специалисты ожидают его быстрое развитие. Тенденция видна, что называется, невооруженным глазом. Достаточно войти во всероссийскую избу-читальню — метрополитен. Все чаще здесь можно встретить людей со специальными устройствами для чтения, ридерами. Удобно, как

ни крути. Тысячи наименований в маленькой штучке: хочешь, читай детектив, хочешь, фэнтези, хочешь, нон-фикшн. Другое дело, что с этой штучкой на пляж, например, не пойдешь — неудобно, бликует. Да и работают устройства ненадежно. Правда, это вопрос решаемый, если экономика будет развиваться, если у людей окажутся лишние деньги на электронные игрушки.

Другое дело, что чтение с экрана принципиально отличается от чтения с листа бумаги. Меняется не просто фактура, а тело медиума. Читатель начинает взаимодействовать с книгой в виртуальной плоскости как-то иначе. И здесь есть свои плюсы и минусы. Экран компьютера слишком агрессивен, а интерактивность — вовсе не такая привлекательная вещь, какой казалась совсем недавно. Источник информации не должен слишком много требовать: книга хороша тем, что молчит и позволяет себя закрыть в любую секунду. Но что же это будет за книга?

Проблемы электронного книжного бизнеса активно обсуждаются в последнее время на всевозможных ярмарках и конференциях. В частности, на московском Международном книжном форуме (ноябрь 2011 года). К таким проблемам относится, например, вопрос о трансформации издательского продукта. Меняется сам тип информации. Текст дополняется гиперссылками, видео- и аудио-рядами, появляется интерактив.

Электронные издания, как и описываемые выше бумажные книги с отчетливым видеорядом, становятся режиссерскими. Обложку заменяет видео-клип, появляется 3-D формат, книга может не только говорить, но и задавать вопросы. Сразу вспоминается газета «Ежедневный пророк» в «Гарри Поттере».

У редакторов и издателей в скором времени появится штат программистов. И число электронных книг начнет стремительно расти. Так, в конце 2011 года издательство «Альпина Паблишер» продавала в месяц 80 000 бумажных книг и только 1200 электронных (эти сведения озвучивались на ноябрьской конференции). Но изменения на рынке происходят стремительные. По мнению экспертов, через два года электронный рынок составит 15% от общего книжного. Западные специалисты утверждают, что через пятнадцать лет электронный рынок составит уже 80% и даже больше.

Электронная книга помогает поддержать интерес к чтению. Таким образом, она сохраняет традицию хранения и передачи памяти. Поэтому вроде бы пессимистический сценарий не такой уж и пессимистический. Хуже будет, если книга вообще исчезнет со страниц истории.

Но мы видим, что цифровая книга стремится к той же визуализации. Тем более что в виртуальной плоскости сделать этот трюк ей значительно проще. И, значит, на смену буквам придут образы. Книжный дискурс станет элементом видеотеки.

Но с другой стороны, в виртуальной плоскости мы наблюдаем еще один любопытный процесс. Образ начинает подаваться нарезке на более мелкие смысловоразличительные единицы. Приведу один пример из области политической игры. Весной 2012 года супруга известного оппозиционного политика Сергея Удальцова разместила в интернете видеоролик⁵, которым попыталась доказать, что обвинения против ее

⁵ Жена Удальцова разместила покadroвое ВИДЕО об «избиении де-вущки» в Ульяновске. <http://www.newsru.com/russia/23apr2012/udaltsov.html>

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

КОЛЫМАГИН Борис / Boris KOLYMAGIN

| Рождение постцифровой книжной культуры |

мужа, якобы избившего девушку — провокация. «Посмотрите в пошаговом режиме. Вы убедитесь, что это — монтаж и выдумки властей, полиции против конкретного человека, которого действительно боятся и под разным предлогом хотят изолировать от общества», — говорит Анастасия Удальцова в комментарии к видеозаписи. Когда просматриваешь ролик, то в какой-то момент попадаешь из области образов в область знаков. Камеру, снимающую происходящее на митинге, в какой-то момент закрывают рукой. Потом камера «видит» только знамена: оператору мешают снимать. В эти моменты и происходит провокация. Мы узнаем об этом из словесных комментариев внизу кадра. Мы сейчас не будем вдаваться в вопрос, кто прав, а кто виноват в этой истории. И обратим внимание только на культурологию. Произошла дискретизация непрерывного потока репортажа о митинге. Он свелся к системе элементов: трибуна, красный фон, просто красная краска на весь экран, темнота, все черное, движение камеры, ее дрожание, направление движения Удальцова. Видимое сблизилось с читаемым, стало текстом. Возможно, нечто похожее произойдет и в наших оцифрованных книгах.

Итак, еще раз: образ при определенных условиях трансформируется из отпечатка реальности в книжный знак, встраивается в семиотическую игру. Ролик про Удальцова продемонстрировал это наглядно. В то же время, в книгопечатании идут и обратные процессы, книга превращается в образ, в элемент зримого, чувственного, тактильного.

Здесь, может быть, уместно сказать несколько слов об опыте современной поэзии. Например, о стихах Татьяны Данильянц. Их можно пить, осязать, слушать. В них много пауз и тишины неторопливого слова, неагрессивного повтора. Постлианозовского точного слова в пространстве здесь и сейчас: «Движение зажигалки в ночной темноте». И символического, акмеистического, постмодерного поворота. Они разворачиваются как покадровое пульсирование сердца. Это уже не визуальность — игры со шрифтами, с морфемами, со словесными картинками у поэтессы нет. Это поствизуальность, возвращение к знаку и памяти, вхождение в ситуацию «между»: между прошлым и будущим, между надеждой и ватой лет, между виртуальной игрой и простым течением жизни. Эти стихи живут в оцифрованном мире: тексты поэтессы опубликованы на многих интернет-ресурсах. В то же время они ищут свою материальную оболочку. Данильянц сложила их в книгу и ищет своего издателя. Если они появятся, то это будет опыт постцифровой поэзии.

Полная метафизических тонкостей (как говаривал Карл Маркс о товаре) бумажная версия книги Люсого тоже связана с ее электронным аналогом. Все или почти все заметки и рецензии автора в том или ином виде появлялись в электронных СМИ. Каждым своим ходом текст обозначает медийное про-

странство, медийную пульсацию. Каждый когда-то жил в виртуальности.

Виртуальная жизнь текстов Люсого не имела шумного успеха. Да, автор печатал их, и продолжает печатать в «Русском журнале» и других сетевых СМИ. Но не это оказалось главным. Люсый почувствовал, что эти тексты вполне могут выйти из цифрового режима, стать постцифровой книгой. А эта книга знает сближение визуального и текстового начала, знает разные ходы и трюки, свойственные не только бумажной продукции, но и продукции на электронных носителях. Она несет в себе понимание нового качества и новой миссианской роли книги как таковой.

Известно, что медиолог, столкнувшись с новым явлением в искусстве, начинает искать не некую систему знаков, как делают это последователи Тартусской школы и другие ученые, занимающиеся семиотикой. Медиолога интересует не язык кино, видеоролика и тому подобного, а некая точка для взгляда — из-за офисного стола или из постели с ноутбуком. Об этом пишет Режи Дебре⁶, который в своем блистательном «Введении в медиологию» поставил принципиальный вопрос о передаче знания и опыта. С коммуникацией сегодня более-менее все понятно. А вот как транслировать некие ценности из поколения в поколение — вопрос.

Александр Люсый показывает, как возможна эта трансляция. Как она может работать здесь и сейчас. Для этого нужна постцифровая книга. То есть бумажное издание, которое помнит каким-то образом о существовании электронных аналогов.

В книге Люсого много от виртуальности. Не случайно один из рецензентов, Сергей Эрлих, замечает: «Отказавшись от временного принципа организации своей книги, автор структурировал тексты в пространстве «образного» — правого и «логического» — левого полушарий головного мозга»⁷.

В то же время монография может рассматриваться как первая ласточка постцифровой книжной культуры. Масштабные полотна в ней соседствуют с интернет-комментариями, с электронными письмами и жестами, уместными разве что в интернете. Собственно, обилие новых слов, приблизительная гамма литературных картин — тоже своеобразная отсылка к небрежным высказываниям форумов и интернет-общений. И все же книга Люсого ценна не этим. Когда мы листаем ее, то можем почувствовать горячую любовь исследователя к литературе. И еще его пафос первооткрывателя. Действительно, перефразируя одного поэта, можно сказать, что культуролог в России больше, чем культуролог.

⁶ Дебре Р. «Введение в медиологию». — М.: Практикс, 2010.

⁷ Эрлих Сергей. «Литературный Гиппократ» // Международный журнал исследований культуры, <http://www.culturalresearch.ru/ru/rewiev/77-erlich-review>

